

ПЕВЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАБИРАЕТ СИЛУ

П. Г. Чесноков, А. Д. Кастальский, Н. М. Данилин в группе второго выпуска хорового подотдела. Май 1926 года. Фотография предоставлена Музеем имени П. Г. Рубинштейна (фонд ГЦММК)

В наступившем году кафедра хорового дирижирования Московской консерватории отмечает свой 90-летний юбилей. В 1923 году к Московской консерватории присоединилась Народная хоровая академия, которая возникла в 1918 году на базе Московского синодального училища церковного пения. Новый хоровой факультет положил начало высшему дирижерско-хоровому образованию в стране.

В состав профессуры Московской консерватории вошли знаменитые корифеи русской хоровой культуры: А. В. Александров, Н. М. Данилин, А. Д. Кастальский, А. В. Никольский, П. Г. Чесноков, а в числе первых выпускников были такие выдающиеся музыканты, как Г. А. Дмитриевский, К. М. Лебедев, В. П. Мухин, К. Б. Птица, С. М. Эйдинов, В. Г. Соколов, А. А. Юрлов. За многолетнюю педагогическую и исполнительскую деятельность хоровой факультет, а затем кафедра хорового дирижирования выпустили целую плеяду музыкантов, ставших впоследствии известными российскими хоровыми дирижерами, педагогами, музыкально-общественными деятелями.

В 1942–1943 учебном году, когда произошло слияние дирижерско-хорового и музыкально-педагогического факультетов, первым заведующим кафедрой хорового дирижирования стал Н. М. Данилин. Впоследствии кафедру возглавляли крупнейшие деятели хорового дела: А. В. Свешников (1945–1951), который в течение многих лет (с 1944 г.) руководил дирижерско-хоровым факультетом, находясь с 1948 по 1974 год в статусе

ректора консерватории; В. П. Мухин (1951–1957); В. Г. Соколов (1957–1960, 1983–1993); К. Б. Птица (1960–1983); Б. Г. Тевлин (1993–2007); с 2007 года по настоящее время обязанности заведующего кафедрой выполняет С. С. Калинин. Сегодня кафедра хорового дирижирования продолжает высокие традиции, заложенные ее основателями.

Лицом кафедры всегда был ее студенческий ХОР. Коллектив ведет свою историю с 1924 года. В разное время им руководили М. М. Ипполитов-Иванов, К. С. Сараджев, П. Г. Чесноков, Г. А. Дмитриевский, В. П. Мухин, К. М. Лебедев, В. Г. Соколов, Б. Г. Тевлин, Б. М. Ляшко. В декабре 1994 года по инициативе ректора А. С. Соколова на кафедре хорового дирижирования параллельно создается Камерный хор Московской консерватории, который позднее, в 2011 году, вместе со своим основателем профессором Б. Г. Тевлиным переходит на вновь созданную кафедру современного хорового исполнительского искусства. Большой студенческий Хор Московской консерватории, высокопрофессиональный творческий коллектив, с 1996 года возглавляет декан Дирижерского факультета профессор С. С. Калинин.

90-летию кафедры хорового дирижирования посвящен Международный хоровой форум, в рамках которого пройдут концерты, мастер-классы, семинары и лекции с участием известных отечественных и зарубежных хоровых деятелей современности. Безусловно, одним из главных участ-

ников Форума является Хор Московской консерватории, который уже открыл серию юбилейных торжеств концертом 28 ноября в Рахманиновском зале. А 4–7 декабря прошел мастер-класс Народного артиста СССР, лауреата государственных премий, художественного руководителя Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга, профессора Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова Владислава

Александровича Чернушенко. В течение трех дней напряженной работы с Хором Московской консерватории была подготовлена программа, исполненная 7 декабря на сцене Большого зала.

В самом начале концерта В. А. Чернушенко поздравил хоровую кафедру Московской консерватории с 90-летием, сказав о том, что между Московской и Санкт-Петербургской консерваториями существует давняя тесная связь и глубокая преемственность. Для подтверждения своих слов maestro привел в пример судьбу Г. Дмитриевского, который работал и в Московской консерватории, и в Капелле Санкт-Петербурга. Владислав Александрович посетовал на то, что русская хоровая песня, так же как и советская (в том числе военная), сегодня стала редкой гостьей на концертах, отодвинутая на обочину культурной жизни. Но в то же время отметил, что певческое движение набирает силу, ширится снизу – и это свидетельствует о больших грядущих переменах, о духовном возрождении нашей страны.

С помощью хора В. А. Чернушенко познакомил присутствующих с малоизвестными произведениями – в основном композиторов Императорской певческой капеллы: наряду с концертом № 27 («Гла-

сом моим ко Господу воззвах») Д. Бортнянского и «Господи, услыши молитву мою» А. Архангельского публика услышала фрагмент редко исполняемого «Всенощного бдения» П. Чайковского, два хора («Милость мира», «Тебе поем») П. Богданова, молитву «Отче наш» С. Ляпунова, а также произведения сербских композиторов – «Несть свят» «сербского Глинки» (С. Мокрая) и фрагмент православной литургии З. Мулича (на цыганском языке). Последние два произведения произвели на публику ошеломляющее действие необычностью своей стилистики и красочностью гармонического языка. Во втором отделении прозвучали русские песни и авторские сочинения в народном духе: «Пойду ль я» (обработка А. Гречанинова), «Дороженька» и «Ах, ты, степь» (в обработке А. Свешникова), «На горушке, на горе» (О. Коловский), «Как меня, молоду, муж бил» (Д. Шостакович); «Наш город» В. Соловьева-Седого (в переложении для хора С. Коловского) и три песни из «Солдатских напевов» А. Новикова – «Уж ты поле мое», «Старичок», «Барыня».

Хор выступал весь вечер с огромной отдачей и показал себя в новом репертуаре достаточно профессионально. Запомнились богатство нюансировки и гибкость в построении фраз, чистота интонирования и красота звучания, когда хрупкая прозрачность и серебристость неожиданно сменялись густой терпкостью и вязкостью. В. Чернушенко прежде всего стремился к выявлению смысла сочинения, созданию яркого образа. Под его руководством коллектив сумел передать весь диапазон человеческих

чувств: от строгого молитвенного пения, переходящего в страстную мольбу, в хоровых произведениях классиков до острой сердечной тоски в лирико-протяжных народных песнях и юмора в шуточных плясовых. В дирижерской манере Владислава Александровича было столько благородства и уважения не только по отношению к авторам исполняемой музыки, но и к юным музыкантам, что не заметить этого было просто невозможно!

В наше беспокойное время, когда дни мелькают как часы, а минуты спрессованы в тугую натяннутую нить, не так часто удается отдохнуть душой, окунуться во что-то свое, родное, попросту говоря – обрести внутреннюю гармонию. Концерт словно отбросил нас на 30–40 лет назад, в советское прошлое, заставив вспомнить, как пела тогда вся страна: ведь при каждом вузе или научно-исследовательском институте были свои любительские коллективы. Традиция та почти забыта, но любовь публики к хоровому искусству по-прежнему не угасает, о чем свидетельствуют переполненные концертные залы. Так было и в этот раз, причем интерес слушателей возрастал с каждым новым произведением, чему во многом способствовали прекрасные комментарии Мастера, предвещающие очередное сочинение...

Такие концерты, конечно, бывают очень редко. Они, как глоток свежего воздуха, возвращают нас к своим истокам, напоминая о том, что русская хоровая культура по-прежнему востребована, а народная песня неисчерпаема в своей красоте и богатстве.

Собкор «РМ»

Концерт 7 декабря в Большом зале. Хор Московской консерватории, дирижер – В. А. Чернушенко. Фото Ольги Ординарцевой

СОБЫТИЕ

ВЛАСТЕЛИНЫ КРЕМЛЯ: БРАТСТВО ОРГАНА

Во имя спасения легендарного органа Большого зала Московской консерватории 7 декабря в Государственном Кремлевском дворце прошел благотворительный концерт, на котором выступили лауреаты Конкурса имени П. И. Чайковского разных лет.

Оформление зала Кремлевского дворца сразу давало понять, что в этот вечер концерт будет особенным. Со стороны сцены с портрета на зрителей смотрел красавец Петр Ильич Чайковский. Имитация органных труб на левой и правой кулисах напоминала о причастности каждого, кто купил билет, к спасению уникального инструмента французской фирмы *A. Cavaille-Coll*, созданного в 1899 году специально для Большого зала Московской консерватории.

Приветственное «слово» в виде *Pas de deux* из балета «Щелкунчик» «держал» Концертный симфонический оркестр Московской консерватории под управлением маэстро *Анатолия Левина*. Под знаменитую музыку на большом экране транслировались исторические кадры с конкурса Чайковского. Просмотр этого видеоряда вызвал чувство грусти: нет уже в живых ни Арама Хачатуряна, ни Мстислава Ростроповича, ни многих других великих музыкантов. И улыбка

совсем юного Вана Клиберна, который не приехал в этот знаменательный вечер в Москву из-за плохого самочувствия, не могла не опечалить.

Трепетную атмосферу первых минут концерта последовательно нарушал конферансье *Петр*

Татарский. Его некоторые реплики, произносимые с крайне серьезным видом, без смеха слушать было невозможно. Например, чтобы подчеркнуть благородную миссию выступающих музыкантов, он отметил: «Добрым символом можно считать органные струны, которые украсили зал». В каком месте у органа Татарский обнаружил эти струны – вопрос, оставшийся без ответа.

Заключительным аккордом первого отделения стали *Andan-*

tino и финал Первого фортепианного концерта Чайковского, сольную партию в котором исполнил *Владимир Овчинников*. На пресс-конференции, предшествовавшей благотворительному вечеру, ректор консерватории *Александр Соколов* сказал: «Идея

собрать лауреатов конкурса имени Чайковского разных лет имеет спортивный аналог. Например, есть сборная хоккея разных лет, которая очень трогательно выглядит, но имеет грустный оттенок. В нашем случае никакой грусти не будет. Наоборот, слушатели смогут оценить рост музыкантов». Выступление некогда юного лауреата, а ныне маститого пианиста Владимира Овчинникова стало подтверждением этих слов.

Инструментальная музыка Петра Ильича перемежалась с его знаменитыми романсами и номерами из опер. Вдохновенно исполнил ариозо Германа «Прости, небесное созданье» тенор *Олег Кулько*. Олицетворявшая Ольгу из «Евгения Онегина» *Анна Викторова* внушительным меццо пропела слушателям, как она «резва, беспечна, весела», а бас *Александр Науменко* благословил леса, а также поведал публике, что «Любви все возрасты покорны».

Нашлось место в программе концерта и увертюре «1812 год», которая была исполнена в честь юбилея Бородинского сражения. На подмогу оркестру Московской консерватории пришли хоровая капелла «Ярославия», а также Оркестр Министерства обороны, облаченный в гусарскую форму. Внешне все это действо выглядело весьма значительно. Хотя звуки, исходившие от музыкантов, создавали ощущение плохо выпитой фрески. Тем не менее публика по завершению увертюры в порыве воодушевления аплодировала стоя.

Несколько раз за вечер со сцены прозвучало пожелание, чтобы концерты исполнителей классики как можно чаще проходили в Кремле. Смысл этой идея ясен: конечно, было бы здорово, если в нашей стране появилось большое количество ценителей академиче-

ской музыки. Но зал Кремля вряд ли станет хорошим пристанищем для меломанов: слишком уж скверная там акустика, совершенно не отвечающая требованиям живого музицирования. Флюиды музыкантов едва доходят до первых рядов партера, потому что между залом и сценой огромная дистанция, а игра оркестра и солистов, подзвученная микрофонами, воспринимается как радиотрансляция.

Но на нынешнем концерте двум исполнителям все-таки удалось победить этот непростой зал. Виолончелист *Александр Бузлов*, солировавший в Вариациях на тему рококо, заморозил слушателей изящной манерой игры, а скрипач *Гайк Казязян*, исполнивший вторую часть и финал Концерта для скрипки с оркестром, продемонстрировал идеальное сочетание культуры звука и темперамента.

Особенно приятно было в этот вечер осознавать, что все музыканты, несмотря на гастрольный график и личные планы, нашли время, чтобы принять участие в концерте. Наверное, каждый, чья творческая судьба связана с Большим залом консерватории, не может быть равнодушен к его нуждам. «Братство органа», представшее перед слушателями в Кремле, это еще раз доказало.

Ольга Завьялова,
студентка ИФ

НАШЕ ДЕЛО – ГРЕСТИ!

Первая неделя декабря ознаменовалась важным событием: на кафедре хорового дирижирования прошел трехдневный мастер-класс профессора *В. А. ЧЕРНУШЕНКО*. Хор студентов не раз становился организатором и активным участником творческих встреч, не так давно консерваторию посетили зарубежные мастера *Е. Савчук* и *Ч. Фройнд*. И вот, наконец, пришла пора Санкт-Петербурга. Каждый день на репетиции в Большом зале приходило много желающих прикоснуться к исполнительским традициям северной столицы. А в перерывах между пением *Владислав Александрович* делился своими мыслями о тонкостях хорового дела, о великих людях и преемственности поколений, о Капелле:

Капелла – мой дом. Предложение стать художественным руководителем я получил в 1974 году. Сегодня в хоровом деле происходит так же, как в оркестре: назначают не тех, кто по профессиональным качествам соответствует должности или имеет перспективу. А должность руководителя хорового коллектива требует, чтобы человек не приходил на работу и чем-то занимался, а чтобы он служил этому делу. Так, как служили *Свешников*, *Птица*, *Юрлов*... Это были подвижники своего дела, всю жизнь укладывали на алтарь искусства!

А. Юрлов был не просто выдающимся хоровым дирижером и музыкантом, он был еще и одним из крупных государственных мужей – благодаря своему умению

работать и авторитету. Именно *Юрлову* принадлежит главная заслуга в том, что после многих лет молчания наконец прозвучала духовная музыка. Тогда ведь очень сложно было с материалами, в библиотеках официальных ничего не было. Даже в библиотеке Капеллы, которая была хранилищем церковной музыки, все было изъято и уничтожено. Когда у меня появился Камерный хор, он очень следил за нами, особенно ему нравилась постановка звука в хоре. А в какой-то день *Юрлов* вдруг неожиданно сказал мне: «Придешь в Капеллу. Сейчас не думаешь, но придет время...»

Не могу не вспомнить и другого великого дирижера – *Е. Мравинского*. Я второго такого человека не встречал. У дирижера должно быть чувство времени – и у него оно паразитическое. Многие считали его механическим, но когда наблюдаешь весь процесс – видишь это тончайшее рубато: оно почти не ощущается, но присутствует, и он владеет этим, потому что очень хорошо чувствует форму. Когда слушаешь его записи – понимаешь, какого масштаба человек. В моей жизни был недолгий период – один год всего, когда я был его единственным студентом (у него ведь не было учеников – он занимался с аспирантами, встречаясь с ними только в филармонии). Я был на всех его репетициях, на всех концертах, занимался по его партиту-

рам. И не могу сказать, что часто, но мне посчастливилось тет-а-тет оставаться с ним в дирижерской комнате – и мы беседовали. Никогда не забуду слова, которые он мне однажды сказал: «Ну что же делать, мы с вами рабы, прикованные цепями к веслам галеры. Наше дело – грести!»

К сожалению, с начала перестройки и буквально до последних двух сезонов Капелла была лишена

подбор совершенно случайный. К концу сезона сложился очень отличный состав: 14 теноров, хорошие голосистые ребята, грамотные. Открывается сезон в этом году – и из четырнадцати человек шесть теноров уходят... в новый хор, который создается для второй сцены Мариинского театра. Там другие деньги – и всё! А у нас гастроль, нам в Сибирь ехать... Система, с которой связана наша работа, обя-

зывает быть готовым к любым неожиданностям, приходится балансировать и перестраиваться. В оркестре проще: заболели инструменталисты, даже солисты – и ты пригласил оркестрантов из другого коллектива, они пришли на 2–3 репетиции и готовы. В хоре невозможно за 2–3 репетиции приготовить замену даже на гастрольную программу.

А сейчас потихонечку численность теноров восстановилась, их стало 15. Причем двоим мы приняли без музыкального образования, сейчас обучаем нотной грамоте. Удивительное явление! Приходит высокий красивый парень 35 лет, поет *Каварадосси* – без проблем может выйти на сцену Большого театра. Но ничего не знает, пришел из хора Музкомедии – все поет на слух, по слуху выучил все партии. Еще один – 40-летний тенор, который вроде бы закончил какой-то институт искусств как вокалист, но нот не читает. С хоро-

шим голосом, тенор-альтино, во вторую октаву уходит до «ми», до «фа» нормальным полным тоном. Но подключать сразу, в концертах использовать их пока невозможно. Вот уже несколько месяцев с ними занимаются, плюс они садятся в хор и слушают. Конечно, они опоздали: в 35–40 лет все очень сложно, но выхода нет – надо учить!

Вспоминаю, как мне приходилось обучать любительский коллектив – первый в Советском Союзе камерный хор с замечательным наименованием: Камерный хор Дома культуры пищевой промышленности. Нас звали Бублик-баранка, а потом нам позволили официально называться Ленинградский камерный хор. Я придумал систему обучения нотной грамоте и свой любительский хор по этой системе научил. Перепробовал все: болгарские столбицы, релятивную систему, английскую систему с буквенной нотацией, систему Орфа. Попробовал – и понял, что рано или поздно все равно надо кидать в голову ноты и осознать, что такое ритмическая структура. Поэтому я сделал две схемы: одна – нотная, с тремя двухоктавными станами, и параллельно вторая – ритмическая. Терпение, две указки в руки, объясняешь, показываешь – и постепенно люди начинают осваивать, даже те, кто никогда не читал нот...

Этим хором я руководил 17 лет. Прервал занятия, только когда меня назначили ректором консерватории. Уже физически не мог успевать: Капелла, Консерватория и плюс еще Камерный хор – оказалось многовато...

Записала Ольга Ординарцева,
студентка ДФ

Мастер-класс в Московской консерватории.
Фото Ольги Ординарцевой

IN MEMORIAM

ГОЛОСА СКОРБИ ИЗ ПОЛЬШИ

Известие о кончине профессора Марины Луарсабовны Яшвили мы, друзья и почитатели ее таланта, получили на очередном, уже 38-м,

Международном музыкальном мастер-классе им. Зенона Бжевского. В течение 12 лет, с 1989 по 2001 год, она ежегодно приезжала в город Ланьцут, чтобы поделиться с молодыми музыкантами своими глубокими знаниями и очаровать нас своим волшебным исполнительским мастерством.

Сразу после получения этого прискорбного известия мы организовали в Большом зале Замка г. Ланьцут концерт, посвященный памяти Марины Яшвили – многолетнего педагога нашего мастер-класса. Вспоминали ее замечательные концерты, во время которых даже птицы, околдованные ее мастерством, садились ей на плечи во время выступления.

Она была для нас не только Великим Мастером скрипки –

каждый, кто имел возможность с ней встретиться, хранит в памяти воспоминание о ней, как об обаятельном человеке, о выдающейся Артистке и преданном Друге. Общаясь с Мариной Луарсабовной, мы ощущали, что имеем дело с ярким представителем пантеона мирового искусства. Такой она останется в нашей благодарной памяти, такой мы ее сохраним в наших сердцах, о такой мы будем всегда говорить.

Трудно выразить скорбь и боль после смерти замечательной артистки, многие годы связанной с Польшей. Хотя и ушел Человек, но среди нас, живущих, будет присутствовать Артист – на все времена существования высокого искусства.

Кжыштоф Щепаняк, председатель Общества международных музыкальных мастер-классов им. Зенона Бжевского

Марина Яшвили была тесно связана с Международными конкурсами им. Генриха Венявского – скрипичным и скрипичных мастеров. Она многократно заседала в жюри, а ранее была лауреатом одного из них, организованного в послевоенной Познани в 1952 году. Тогда она заняла третье место. Несколько раз Марина Яшвили давала концерты для польских меломанов.

С профессором Мариной Яшвили мы обсуждали программы скрипичных конкурсов. Она давала советы при издании всех произведений Генриха Венявского, принимала участие в организованных нами симпозиумах скрипичных мастеров и в конференциях, посвященных исполнительской практике.

В 2006 году, во время XIII Международного скрипичного конкурса им. Г. Венявского, вместе с

Идой Гендель (лауреат I конкурса) и Вандой Вилкомирской она участвовала в торжественном приношении аэропорту Познани имени Генриха Венявского.

В нашей памяти навсегда Марина Яшвили осталась неисполненной теплоты и доброжелательности, всегда с улыбкой на устах, верной своему призванию и всегда готовой бескорыстно передавать свои знания молодым поколениям. В антологии концертов наших лауреатов есть ее записи, которые приобретают теперь все большее значение. Общему собранию будет направлено предложение о присвоении профессору Марине Яшвили звания Почетного члена Музыкального общества им. Г. Венявского (посмертно).

Анджей Ваутуский, директор Международных конкурсов им. Г. Венявского

КОНЦЕРТ

УДАРНАЯ ТЕРАПИЯ

Рахманиновский зал уже дважды принял «пациентов» – посетителей абонементного проекта *Musical Medical Service* («музыкальная скорая помощь»). Хотя идея целебной силы музыки не нова, серия концертов *Musical Medical Service* стартовала в консерватории впервые. Концерты-акции ансамбля ударных инструментов Марка Пекарского с эпатажными названиями – «*Врачевание металлом*», «*Исцеление через ритуал*», «*Лечение путешествиями*» и «*Целебная сила игры*» – призваны погрузить публику в состояние целительного транса.

Первый сеанс – «*Врачевание металлом*» – прошел 12 октября. «Музыкант-лекарь» Марк Пекарский обратился к идее врачевания металлом неслучайно: многие врачи и физики обращают внимание на то, что ритмические партии ударных невольно приводят в движение и наши мышцы (постукивания, щелчки и даже пританцовывания нередко можно отметить у слушателей). Ведь сердцебиение, дыхание, моторика – все эти процессы подчинены ритму. Потому и ритм ударных обладает скрытой силой: «*Возможности металла безграничны! Он может исцелять, но... в недобрых руках способен убить!*» – шутливо продекларировал Пекарский, вспомнив эпизод в аэропорту, где сковороду сочли опасным оружием.

«Врачевание» началось буквально с порога. Присутствующие не успели прочесть программки, как ансамбль погрузил их в транс: маэстро Пекарский без привычных объявлений и представлений начал свой магический концерт. Благодаря такому внезапному погружению даже побочные шумы (скрип стульев, кашель, начинающийся дождь) оказались вовлечены в музыкальный процесс.

Первая пьеса Джона Лютера Адамса под названием «...и вспомнились колокола...» (2005) действительно напоминала звон колоколов и переключку инструментов разной высоты и тембра. Она оборвалась так же внезапно, как началась (подобно многоточию в ее названии), и слушатели, будто загипноти-

зированные, даже запоздали с аплодисментами. Зато следующий номер – сочинение великого Кейджа – буквально взбудоражил зал! Хотя центральное положение на сцене занимал рояль (который якобы не вписывался в «металлические» рамки), даже профессиональный слух едва различал его «добыли знакомый» тембр среди ударно-шумовой массы. Музыкальный авангард уже привык к трактовке рояля как ударного инструмента: заклиательные остинатные ритмы, зловеще-низкий регистр напоминали грохот большого барабана. Казалось, что мощная звуковая лавина вот-вот вырвется за пределы четырехстенного простран-

ства. Здесь-то публика и проснулась, а вместе с ней, надо думать, и вся мышечная система! Бурные овации зафиксировали несомненный оздоровительный эффект.

В завершение первого отделения прозвучал «*Мадригал в металле*» (1993) Александра Раскатова. Игра ансамбля Пекарского известна своей театральностью – маэстро, на время отложивший дирижерскую палочку, творил музыку изящными жестами, напоминая выступление мима. На сцене появился новый ударный персонаж, напоминающий хрустальную люстру. Лишь в антракте зрителям приоткрылась тайна: то были развешивающиеся под действием вентилятора бумажные пластинки. А чарующие звуки вибратона обманывали публику, которая тщетно искала глазами поющий хор. Антракт превратился в интерактивную экскурсию, где каждый желаю-

щий мог рассмотреть висевшие гонги, «люстры» и сковородки с подписанными звуками-высотами. Особо любознательным даже довелось поиграть на них...

Второе отделение концерта было не менее захватывающим. К терапевтическим эффектам ударных добавился танец – лучшее лекарство! То был «*Танец в металле в честь Джона Кейджа*» (1986) Николая Корндорфа. Исполнитель-солист появился неожиданно и эффектно: костюм с изумрудного цвета мантией и сложной звенящей конструкцией в виде конуса на голове сразу привлек внимание публики. «Танцевало» все: исполнитель с его резкими и плавными движениями, с ловкими перемещениями от инструмента к инструменту; звук, распространявшийся по залу; инструменты, которые под воздействием удара еще долго раскачивались и вибрировали, оставляя мощное «послевкусие»... Это был поистине ударный апофеоз: звучащие гонги, колокола, сковороды, падающие на пол палочки и даже сам исполнитель в звенящем одеянии (звучащее тело) – все превратилось в один ударный инструмент!

Две заключительные пьесы были восприняты не столь эмоционально. Мерцающие «*Лучи далеких звезд в искривленном пространстве*» (1989) Э. Денисова разрядили обстановку, дав залу небольшую передышку. А финальный номер программы – «*С колоколен и гор*» (1901) Чарльза Айвза – оправдал свое название появлением на галерке трубача и тромбониста, словно возвестивших свыше гимн здоровью и чудодейственной силе музыки.

На «*Исцеление через ритуал*» 6 декабря «пациенты» явились в заметно меньшем количестве: сказывалось начало предновогодне-

го сезона. Но более камерная обстановка лишь способствовала интерактивному общению исполнителей с публикой (по принципу «туда-обратно», как выразился сам маэстро) – целебные шумы в прямом смысле слова *достучались* до каждого слушателя. Марк Пекарский сопровождал действие весьма познавательной информацией: «исцеление» произошло в день 30-летия (!) со дня первого концерта Ансамбля ударных инструментов. Программа концерта была составлена по принципу нарастания «ритуального экстаза».

Все первое отделение было отдано «*Странному и священному шуму*» Джона Лютера Адамса. Шесть пьес для квартета исполнителей явно держали слушателей в «ежовых рукавицах» – поистине *странные шумы*, что называется музыка не для слабонервных, длились около часа. Казавшийся бесконечным квартет малых барабанов сменился четырьмя там-тамами («*Уединенные и разрушающие время волны*»), расположенными по периметру сцены, благодаря чему возник известный эффект 3D (а в нашем случае – 4!). В легких касаниях пластин четырех гонгов слышались призраки вокальных голосов. Вой четырех сирен в пьесе «*Триадические итерационные решетки*» возвестил долгожданную скорую помощь.

Второе отделение открыли «*Заклинания*» Вячеслава Артемова. Как заметил Альфред Шнитке, музыка Артемова – «*будто не сочиненная автором, но где-то реально бытующая и подслушан-*

ная им, воскрешенная его "внеиндивидуальной" генетической памятью». Действительно, казалось, что выдуманные магические заклинания постепенно кристаллизуются, слог за слогом собираются в отдельные, будто по-русски звучащие слова! Певица Алиса Гицца (сопрано) блестяще справилась с вокально-фонетической задачей, а вот удары в «меховой» гонг, казалось, мешали солистке, ее старательному «выговариванию» заветных звуков – многообещающий замах над гонгом завершился легким, женственным прикосновением (недаром в коллективе Пекарского одни мужчины – тут сила нужна!)

В заключение прозвучала «*Юбилейная*» Софии Губайдулиной, написанная, кстати, ко дню рождения самого Марка Пекарского. Композитор так охарактеризовала свое творение: «...*действие напоминает экстатический ритуальный танец на фоне жуткого колокольного звона. Это метафора раба с цепью на шее, который с фанатическим энтузиазмом радуется своему рабству*». Роль «раба» Пекарскому, с его властными дирижерскими жестами, едва ли удалась, а вот фанатизм и нескрываемый творческий энтузиазм – не покидали Маэстро!

Курс исцеления в Новом году продолжится – в феврале и апреле ожидаются еще два вечерних сеанса с оздоровительным эффектом. Непременно рекомендуем к посещению!

Анна Филиппова, студентка ИТФ

Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского объявляет конкурс на замещение вакантных должностей сотрудников и профессорско-преподавательского состава по подразделениям и кафедрам:
Кафедра медных духовых инструментов – доцент (0,5)
Редакция журнала «Научный вестник Московской консерватории» отдела периодических изданий – вед. научн. сотр. (0,25); научн. сотр. (0,5); мл. научн. сотр. (0,5)
Кафедра теории музыки – профессор (1,0); преподаватель (0,5)
Кафедра скрипки под руководством профессора И. В. Бочковой – преподаватель (0,25)
Кафедра виолончели – доцент (0,5)
Кафедра оперной подготовки – доцент (1,0)
Межфакультетская кафедра фортепиано – доцент (2,0); преподаватель (1,0)
Кафедра специального фортепиано под руководством проф. В. К. Мержанова – ассистент (0,25)
Кафедра специального фортепиано под руководством проф. С. Л. Доренского – ассистент (1,0)
Кафедра специального фортепиано под руководством проф. В. В. Горностаевой – ассистент (0,5)
Межфакультетская кафедра истории и теории исполнительского искусства – преподаватель (0,5)
Кафедра скрипки под руководством проф. Э. Д. Грача – преподаватель (0,25)

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ВИКТОРА КАРПОВИЧА МЕРЖАНОВА

ОН СУМЕЛ СВЯЗАТЬ ВЕКА...

20 декабря скончался Народный артист СССР, заведующий кафедрой специального фортепиано профессор Виктор Карпович Мержанов.

В. К. Мержанов – фигура историческая. Золотой медалист Московской консерватории (1941), он, едва вернувшись из армии, разделил на Всесоюзном конкурсе 1945 года I премию с Рихтером, но именно о Мержанове, и только о нем, Мясковский записал в дневнике «очень хорошо». Золтан Кодаи – кого только ни слышавший на своем веку! – писал после концерта Мержанова, что за всю жизнь не слышал такой игры. А Фейнберг, учитель Виктора Карповича, написал, что мержановское исполнение Третьего концерта Рахманинова напоминает авторское. Вариации Паганини – Брамса в исполнении Мержанова высоко ценил Софроницкий.

На протяжении многих лет В. К. Мержанов широко концертировал во множестве стран, преподавал, работал в жюри самых крупных конкурсов, занимался разнообразной общественной деятельностью. Он удостоен множества почетных званий и наград, его ценили и

ценят многие и многие слушатели и музыканты всего мира.

Но Виктор Карпович останется в истории не просто великолепным мастером-пианистом, высокоавторитетным профессором и музыкально-общественным деятелем. Ему выпал особый жребий: ни больше ни меньше, связать века – передать далеким поколениям непреходящее, в свое время воспринятое им самим.

Будучи человеком высоких принципов, Виктор Карпович к тому же «помнил порядочных людей». Быть любимым учеником Фейнберга, пользоваться расположением Прокофьева и Мясковского, быть другом Гилельса, Ведерникова и Рихтера, попасть в шуточный палиндром Софроницкого (и, разумеется, пользоваться также его расположением) – дорогого стоит!

Сменяются поколения, государственное устройство, технические приспособления, начальники, мнения, суждения – почти весь строй жизни, – но музыка едина и всегда должна быть музыкой, музыкант в меру

способностей должен стараться ей соответствовать, а человек – непременно оставаться человеком. В этом, по-моему, главный урок Виктора Карповича.

Еще один важнейший его урок: помнить. Без памяти нет культуры – азбучная истина. На протяжении всей жизни – вплоть до самого конца – Виктор Карпович не жалел сил ради того, чтобы наследие ушедших больших музыкантов не кануло в Лету, имена их не забылись, а правда торжествовала. Молодому поколению трудно представить себе, что такого рода усилия требовались даже для признания Рахманинова. Рахманиновский зал консерватории, Рахманиновское общество, конкурсы имени Рахманинова в разных городах и странах, памятники, музеи – во всем этом заслуги Виктора Карповича огромны. Неоценимы его усилия по восстановлению правды о Гилельсе, сохранению памяти о Ведерникове, о своем учителе Фейнберге.

Виктор Карпович прожил много лет, но все хотелось, чтобы он оставался с нами еще, подольше... Памятны его великолепные поздние концерты. А педагогическая работа длилась до последних дней жизни мастера. Репетиция к Фейнберговскому вечеру в Малом зале (середина октября; моя последняя встреча с Виктором Карповичем)... Голос балкона: «Не хватает дышанья! Нужно дышать! Музыка должна быть более выразительной, должна разговаривать!» Так, видимо, было все долгие годы его профессорства. Зайдешь, бывало, в 28 класс – Виктор Карпович (в который раз!) проходит Первый концерт Чайковского и участливо предостерегает студента: «Ты здесь crescendo не делай...» Трогательно. И как-то спокойно делалось на душе...

«Помедли, помедли...» Но вот пришел и его черед. Пробил час – не поспоришь. Нельзя не считать подарком судьбы то, что такой человек жил среди нас. А то, что Виктор Карпович до последних дней оставался в строю действующих музыкантов, можно без колебаний назвать подвигом. Несомненно, ему суждена долгая благодарная память. Но сейчас – горько.

Михаил Лидский

ВЕНОК ВОСПОМИНАНИЙ

Оскар Фридт:

...Первая и незабываемая встреча с Виктором Карповичем произошла в марте 1990 года на мастер-классе в Германии. Все участники были потрясены его поразительным трудолюбием: в течение двух недель он работал со студентами с девяти часов утра до девяти вечера. Он полностью отдавал себя этим занятиям со студентами, совершенно себя не жалея. Потом, после уроков, он садился за рояль и еще три часа занимался сам. А ему тогда было уже 70 лет! Для нас это был высочайший пример рыцарского служения искусству, который запомнился на всю жизнь.

Когда Виктор Карпович подарил нам книгу своего учителя С. Е. Фейнберга «Пианист как искусство», он вручил ее со словами: «В этой книге вы найдете глубочайшие мысли о музыке и жизни. Но на всех 500 ее страницах вы не встретите одной буквы – буквы «Я». Этому принципу Виктор Карпович всегда следовал сам – ему была совершенно чужда самореклама.

Как-то раз Виктор Карпович пригласил нас к себе домой. В одной комнате на стене мы увидели фотографию человека в форме офицера. В ответ на наш вопрос «кто это?» он рассказал следующую историю. Однажды он получил от незнакомого офицера фотографию и письмо, в котором тот благодарил за то, что Виктор Карпович «спас ему жизнь». Оказалось, что этот офицер, решив покончить с собой, перед страшным поступком включил в гостинице радио. В этот момент транслировали «Лунную» сонату Бетховена в исполнении Виктора Кар-

повича. И музыка вернула отчаявшемуся человеку веру в жизнь, спасла в тяжелую минуту.

После одного из его концертов в Швейцарии он нам рассказал, что на протяжении всей жизни, даже в самые трудные ее минуты, его поддерживала надежда. Надежда – так он назвал и свою единственную, обожаемую дочку. Но даже после ее потери ему удалось сохранить негибкую волю к жизни. До последних дней он продолжал работу в консерватории, вкладывая все свои силы в то, чтобы поддерживать, как он сам говорил, «высокую роль классического искусства в оздоровлении общества». Именно эту силу он умел вложить и в музыку...

Джулияна Слепцова:

...Еще не будучи студенткой Виктора Карповича, я приходила к нему класс и слушала его уроки. Помню, как записывала в тетрадку пожелания Учителя. Именно тогда для меня открылось видение Виктором Карповичем Сонаты b-moll Шопена. Разбирая финал, он рассказывал о реке Лете, куда, по древнегреческой мифологии, погружались души умерших. Когда я представляла себе неторопливое течение этой реки и тайну, которая покрывала ее, мне становилось немного страшно. Виктор Карпович говорил, что в финале есть интонации всех частей сонаты, что он написан восьмьюми, а значит, не должен исполняться бравурно и быстро. Впечатления после такого урока невозможно описать словами.

Мой Учитель открывал мне мир разных интересных образов, тонких переживаний – то, о чем я и не ведала. Он постоянно гово-

рил, что музыкальная речь всегда живая. В ней есть знаки препинания, придающие особую выразительность: вопросительный знак, восклицательный, точка, запятая... При этом важно и дыхание, без которого невозможна любая речь. И только тогда можно передать слушателю *смысл* музыкального произведения. «Музыка должна разговаривать» – это хорошо известные нам, его ученикам, слова.

Учиться у Виктора Карповича было счастьем и радостью – удивительные уроки навеки останутся в моей памяти. Мудрость и духовная красота, благородство и чуткость Учителя восхищали меня, его исполнение вдохновляло, а сложная и достойная жизнь всегда была примером для подражания. Все, о чем говорил Виктор Карпович, – для меня как жемчужина. Думаю, что он был послан мне как утешение в этом мире. Для меня Виктор Карпович навсегда остался живым, только общение с ним уже внутри меня – там, где можно говорить о сокровенном и настоящем...

Вера Зырянова:

...Далеко не каждый педагог может похвастаться той теплой атмосферой, которая всегда царила в классе Виктора Карповича. Ученики его просто обожали, всегда с огромным желанием приходили к нему на занятия. 28 класс консерватории стал для нас родным домом, двери которого всегда и для всех были открыты, а Виктор Карпович как радушный хозяин принимал многочисленных гостей. Его уроки посещали не только пианисты, но и музыканты других специальностей, студенты и выпускники, русские и иностранцы, учащиеся московских вузов и приезжие из других стран и городов. Все хотели

познакомиться с выдающимся педагогом, послушать уроки мастера – и учащиеся, и давно уже сформировавшиеся и концертирующие пианисты. Любому желающему всегда мог и лично поучаствовать в творческом процессе, исполнив отдельное произведение или целую программу.

Виктор Карпович с удовольствием слушал всех и неустанно работал, давая ценнейшие советы и рекомендации. И все это было абсолютно бескорыстно. Все и всегда Виктор Карпович делал только во имя Музыки, думал только о духовных материях, жил только высокими идеалами. Он нес добро в этот мир, и люди к нему тянулись. Он подкупал своей простотой и удивительной скромностью, благородством и безграничной любовью к искусству, никогда не кичился своими званиями и наградами, со всеми и всегда был на равных. Виктор Карпович никогда не выбирал, кого брать в свой класс, не имел привычки делить музыкантов на «лучших» и «второсортных» – он всегда был готов заниматься абсолютно со всеми, вкладывая в пианистов свой бесценный опыт и мастерство.

В его характере на удивление гармонично сочетались, казалось бы, полярные черты: мягкость и воля, уступчивость и принципиальность, но одно в нашем любимом учителе оставалось неизменным – это бесконечная вера в нас, его учеников, и в свое дело. В классе и на концертах, при любых наших

удачах и неудачах, после радостных побед и досадных промахов всегда чувствовалась огромная поддержка, которая вселяла уверенность, помогала верить в свои силы и никогда не позволяла падать духом.

Виктор Карпович занимался с каждым не «сколько должен», а сколько требовал рабочий процесс. Неизменно сидел за вторым роялем и всегда играл сам, был для нас ярким живым примером. Уроки никогда не ограничивались одной игрой: Виктор Карпович интересно и много рассказывал об исполняемых произведениях, о стилистических особенностях разных композиторов, об исполнителях и их трактовках. Он исполнил о важнейших вещах, которые всегда пригодятся при исполнении самой разной музыки, прививал чувство меры и вкуса, помогал нам слышать себя со стороны. С самого первого дня Виктор Карпович стал для нас родным. Та энергия, которая всегда исходила от него, та любовь, которой он, не скупясь, так щедро всех одаривал, наполняла душу таким теплом и счастьем, что все беды и неурядицы тут же отступали на второй план. И казалось, так будет всегда...

Ушел необыкновенный человек... Наша гордость, наша легенда, наша история... Поистине выдающийся пианист и педагог от Бога. Он всегда верил в нас и любил как собственных детей, и мы всю нашу жизнь будем любить его и помнить. Светлая память Виктору Карповичу Мержанову...

Главный редактор:
профессор Т. А. Курышева
Ответственный редактор:
доцент М. В. Щеславская
Оригинал-макет:
М. В. Переверзева
Сдано в печать: 10.01.2013

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13
e-mail: newspapers@mosconsv.ru
Интернет: rm.mosconsv.ru
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-37912
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА